XVII ВЕК

Мельникова А. Р.

(Елец)

УДК 94(47)

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
ПО ДАННЫМ НА 1678 г.¹**

Статья посвящена анализу социального состава населения крепостей Белгородской черты в 1678 г. Основным источником работы послужила опись городов 1678 г., зафиксировавшая различные категории служилого и посадского населения региона. Автором была проанализирована информация по всем крепостям Белгородской черты и сделаны обобщающие выводы. Прежде всего, фиксируется неоднородность различных уездов в районе черты: в некоторых наблюдается большое разнообразие служилых категорий населения, развитый посад и большое число помещиков, а в других, напротив, социальный состав был довольно бедным. Таких крепостей, где социальная градация не получила большого разнообразия, было большинство. В итоге, эти крепости являлись только военными форпостами на границе, которые имели стратегическое значение, но их хозяйственный потенциал был невысок. Очевидно, что появление множества таких мелких крепостей было продиктовано военной необходимостью и их полноценное развитие было невозможно. Впоследствии, уже в XVIII в., большинство из них станут сельскими поселениями. Однако значение этих крепостей было для своего времени весьма велико, и не только для защиты стратегических участков обороны Белгородской черты. Эти мелкие крепости помогли обеспечить стабильное развитие крупных военных и экономических центров. Такие города-крепости, как Курск, Воронеж, Елец, Козлов, смогли стать на путь урбанизации именно потому, что были защищены множеством мелких военных поселений. Такова была их историческая роль.

Ключевые слова: Белгородская черта, служилое население, посад, Курск, Воронеж, Елец, урбанизация

The article is devoted to the analysis of the social composition of the population of the fortresses of the Belgorod line in 1678. The main source of the work was the inventory of cities in 1678, which recorded various categories of the service and townspeople of Russia. The author analyzed the information on all the fortresses of the Belgorod line and made general conclusions. The heterogeneity of the various counties of the vast southern region is recorded: in some there is a wide variety of service categories of the population, developed crafts and trade, and a large number of landowners. In other regions, the social composition was very poor. There were a lot of these regions. Such fortresses were only military outposts on the border. They were of strategic importance, but their economic potential was low. Obviously, the emergence of many small fortresses was dictated by military necessity and their full development was impossible. These small fortresses did not have the opportunity to develop. Subsequently, already in the 18th century, most of them would become rural settlements. However, the significance of these fortresses was very great for their time. These small fortresses helped to ensure the stable development of major military and economic centers. Fortified cities such as Kursk, Voronezh, Yelets, Kozlov were able to

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

take the path of urbanization precisely because they were protected by many small military settlements. This was their historical role.

Keywords: Belgorod line, service population, settlement, Kursk, Voronezh, Yelets, urbanization.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-43-50

Белгородская черта – крупнейшее в истории России военно-оборонительное сооружение, построенное для защиты южных рубежей от нападения крымских татар. Сегодня принято считать, что она была возведена к 1658 г., когда появился Белгородский разряд и был сформирован отдельный Белгородский полк. Это мнение было сформулировано В. П. Загоровским в монографии 1969 г. [5]. Административное и военное управление обширной оборонительной линией располагалось, в основном, в Белгороде. Местный воевода считался главным, его власть распространялась и на крепости, не находящиеся непосредственно на Белгородской черте, а лежащие севернее (например — Елец, Ливны, Данков). Протяженность укрепленной линии Белгородской черты составила 600 км, а с учетом изгибов — 800. На самой черте располагались 27 острогов и крепостей, а также один хорошо укрепленный Борщев монастырь [4, с. 132]. Появление и функционирование Белгородской черты обеспечивало несколько важных процессов и, прежде всего, хозяйственное развитие уездов, рост числа ремесленников и торговцев в крупных военных поселениях [6, с. 291].

Одновременно со строительством Белгородской черты правительство проводило важные военные преобразования, позволившие создать на южном пограничье современную армию, способную дать решительный отпор противнику [18; 13, с. 37]. Военная реформа включала комплекс мер, направленных на модернизацию войска и трансформацию старых военных формирований в рамках новой военной структуры, сочетающей традиционные принципы службы и социальной организации с новыми европейскими. Последние были реализованы в созданных военных подразделениях «нового строя» — рейтарских, драгунских и солдатских полках, составивших уже к началу 1660–х гг. основу российской армии на южном пограничье [16, с. 125]. С этого времени былое единство военно-территориальных корпораций оказалось подорвано [16].

В центре внимания данной статьи – социальный состав населения Белгородской черты, отразивший важные военно-политические события ее истории. В настоящий момент эта тематика представляется особенно актуальной, поскольку точные сведения о составе населения помогут научному сообществу осознать происходящие в регионе долговременные социально-экономические процессы, оказывающие влияние на политику Москвы в отношении южного пограничья в целом.

Социальная история Белгородской черты активно изучается сегодня Д. А. Ляпиным и Н. А. Жировым – авторами серии работ на эту тему [8, с. 604; 9, с. 79; 11, с. 155]. Кроме того, можно отметить исследования В. Н. Глазьева, Ю. А. Мизиса, А. И. Папкова о различных аспектах организации населения Юга России, а также работы о черкасах В. М. Брезгуновой и статьи А. Ю. Рощупкина о казачестве [2; 3, с. 9; 12 с. 200; 15; 1, с. 206; 17, с. 88]. Несмотря на усилия ученых, социальная история Юга России полностью еще не изучена.

Основным источником статьи послужила опись городов, составленная в 1678 г. [14]. Этот документ представляет собой своеобразный срез данных по динамике социального развития региона, в нем отразились важные тенденции истории Белгородской черты. Проанализированные данные по социальному составу населения всех городов-крепостей Белгородской черты, мы систематизировали в виде единой базы данных. Таким образом, данная статья носит обобщающий характер, а ее цель заключается в характеристике социального состава городов-крепостей Белгородской черты в 1678 г.

В исследуемый период времени в уездах Юга России существовали следующие категории служилого населения: помещики («дети боярские»), казаки, стрельцы, пушкарки и по-

садские люди. Также в описи упоминаются мелкие социальные группы: воротники, кузнецы, плотники, ямщики, черкасы, драгуны и т. п. В проводимых нами подсчетах мы отнесли их к категории «прочие».

Согласно полученным в ходе работы данным, крупнейшей крепостью по количеству служилого населения являлся Козлов (сегодня – Мичуринск). В нем располагалось 7353 человека (Диаграмма 1). Данные по социальному составу Козловского уезда, представленные в виде диаграммы, указывают нам на то, что основную часть местного населения (92%) составляли мелкие помещики (проживавшие в уезде), а также лица из категории «прочие». К оставшимся 8 % относились казаки, стрельцы, пушкар и посадские люди. Причины стремительного роста служилого населения Козловского уезда были рассмотрены Д. А. Ляпиным в отдельной статье [7, с. 81].

Диаграмма 1. Категории служилого населения Козловского уезда по данным описи 1678 г.

К крупным крепостям по численности населения следует отнести Воронеж, Коротояк, Курск и Добрый. Относительно крупными являлись Белгород, Усмань и Елец. Наименьшее количество служилого населения – 132 человека, было отмечено в Урыве. Можно назвать и другие крепости, которые отличались небольшим числом жителей – это Балаклея, Епифань и Нижегольск. Козлов уверенно занимал первое место по количеству помещиков: здесь их было около 3041 человека. В Коротояке и Белгороде также проживали 1538 и 1527 человек соответственно. Наименьшее количество помещиков было отмечено в крепости Царев-Борисов – всего 30 человек.

Самое значительное число казаков было зафиксировано в Воронеже – 1328 человек, на втором месте по численности следует крепость Коротояк, где находилось 836 казаков. Усмань являлась третьей по количеству казачества, здесь проживали около 660 представителей этой социальной группы. Данная категория служилых людей была характерна не для всех уездов, которые мы рассматривали в исследовании. Крепостью с наименьшим числом

представителей казачества был Старый Оскол – около 40 человек. Довольно примечательно, что в таких относительно крупных крепостях, как Данков и Белгород численность казаков была невелика и составляла 54 и 66 человек, соответственно.

Самое большое количество стрельцов находилось в Воронеже. Их число составляло здесь 420 человек. На втором месте по численности стрельцов шел Коротояк, в котором находилось 328 представителей от названного служилого населения. Третьим был Карпов – 278 человек. Стрельцы, как и казаки, проживали далеко не во всех крепостях. В Короче было наименьше количество стрельцов, всего 14 человек.

По числу пушкарей лидирующую позицию вновь занимал Козлов, где находилось около 188 человек. Затем следовал Белгород – 123 пушкаря. В Данкове проживало 87 пушкарей, – он занимал третье место по этому показателю. Любопытно, что в такой крупной крепости, как Курск пушкарки не были отмечены в описи. Общая численность пушкарей значительно отличалась от числа помещиков, казаков и стрельцов. Практически во всех уездах их количество было небольшим. Так, в Урывском уезде, исходя из описи 1678 г., проживал всего один пушкарь. Понятно, что обслуживание местной артиллерии не требовало большого числа людей

Посадские люди находились лишь в девяти крепостях - Белгороде, Ельце, Воронеже, Козлове, Курске, Землянске, Острогожске, Коротояке и Урыве (Диаграмма 2). Во всех остальных исследуемых уездах упоминание о данной категории людей отсутствует. Д. А. Ляпин и Н. А. Жиров уже отмечали колебания численности посадских людей и объяснили это противоречивой политикой правительства в отношении Юга России [10, с. 97]. В Курске проживало самое большое количество посадских людей – 1253 человека. На втором месте шел Воронеж. В нем было зафиксировано 637 представителей данной категории населения. Следующим по численности посадских людей был Елец, где находилось около 215 представителей этой социальной группы. Наименьшее количество посадского населения отмечено в крепости Урыв – всего 3 человека. Землянск также не отличался большим числом посадского населения (22 человека). В Белгороде тоже было замечено небольшое количество представителей данной социальной группы, а именно 53 посадских человека.

*Диаграмма 2. Количество посадских людей в крепостях
Белгородской черты по данным описи 1678 г.*

Во всех исследуемых уездах находились различные мелкие категории населения, обозначенные нами в подсчетах как «прочие» люди. Например, в Балаклее и Маяцком проживали 139 черкас и 376 человек («какова чину порознь, того в сметных книгах не написано»), соответственно. Первым по численности мелких социальных категорий населения был Козлов. В нем проживало 3765 человек. Следом шел Добрый – 2018 человек.

Заметим, что лишь в нескольких крепостях были зафиксированы сразу все категории населения, а именно: помещики, казаки, стрельцы, пушкари, посадские люди и прочие. Это крепости Козлов, Воронеж, Елец и Коротояк (Диаграмма 3). Данные военные поселения можно отнести к относительно крупным в 1678 г. Из представленной диаграммы видно, что число помещиков было довольно высоким. Следовательно, хозяйственное развитие уездов было напрямую связано с их военным потенциалом и социальным разнообразием.

Диаграмма 3. Социальный состав Воронежского, Коротоякского и Елецкого уездов по данным описи 1678 г.

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы относительно социального состава населения Белгородской черты по данным описи 1678 г. Прежде всего, отметим очевидную неоднородность различных уездов региона, в некоторых мы наблюдаем большое разнообразие служилых категорий населения, развитый посад и большое число помещиков, но в большинстве случаев крепости не были так хорошо развиты в социальном плане. Многие из них оставались типичными военными поселениями на границе. Очевидно, что появление множества мелких крепостей было продиктовано военной необходимостью и их полноценное развитие было невозможно. Впоследствии, уже в XVIII в., большинство из них станут селами. Однако значение этих крепостей было для своего времени весьма велико. Эти мелкие крепости помогли обеспечить стабильное развитие крупных военных и экономических центров. Курск, Воронеж, Елец, Козлов смогли стать на путь урбанизации именно потому, что были защищены множеством мелких крепостей и острогов.

Изученный нами социальный состав крепостей Белгородской черты по данным описи 1678 г. отразил важные процессы развития региона, которые получили свое продолжение уже в дальнейшем – в Петровскую эпоху. В конечном итоге, полученные нами данные показывают, что противоречивый характер социального развития уездов Белгородской черты был напрямую связан со спецификой военно-оборонительной политики России на Юге во второй половине XVII в.

Список источников и литературы

1. Брезгунова, В. М. (2019). *Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630-1680-е гг.* // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. № 182 (Т. 24). С. 201-208.
2. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности.* Воронеж: Издательство ВГУ. 432 с.
3. Глазьев, В. Н. (2012). *Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в.* // Столица и провинция: история взаимоотношений: Материалы Шестой региональной научной конференции. Воронеж: Издательство ВГУ. С. 7-11.
4. Дудина, О. В., Фурсов, В. Н. (2015). *Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. № 4 (204). С. 131-136.
5. Загоровский, В. П. (1968). *Белгородская черта.* Воронеж: Издательство ВГУ. 148 с.
6. Ляпин, Д. А. (2018). *Социально-экономическая эволюция населения Юга европейской России в контексте модернизации аграрного общества в конце XVI-XVII вв.* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. № 2 (Т. 45). С. 285-297.
7. Ляпин, Д. А. (2018). *Служилая корпорация детей боярских Козловского уезда в 1637-1651 гг.* // Белгородская черта. № 3. С. 78-82.
8. Ляпин, Д. А. (2019). *Социальная организация сельского населения юга России в XVII в.* // Quaestio Rossica. № 2. С. 599-612.
9. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2020). *Динамика социального состава населения Черноземья во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (на примере Елецкого уезда)* // История: факты и символы. № 3 (24). С. 72-82.
10. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. №3. Ставрополь. С. 93-97.
11. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2019). *Об изучении структуры и формы организации пространства повседневности населения Центрально-Черноземного региона России в конце XVI – первой половине XVIII вв.* // История: факты и символы. № 4 (21). С. 155-156.
12. Мизис, Ю. А. (2017). *Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII веке* // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. №5 : Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции. 9.11.2017. – 10.11.2017. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 199-202.
13. Нефедов, С. А. (2004). *Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в.* // Вопросы истории. № 4. С. 22-52.
14. *Опись городов 1678 г.* // Дополнение к Актам историческим (ДАИ). Т. 9. СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1875. 350 с.

15. Папков, А. И. (2004). *Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII века*. Белгород: Константа. 351 с.
16. Петрухинцев, Н. Н. (2018). «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658 – 1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // *История: Факты и символы*. № 3 (16) С. 106-129.
17. Рощупкин, А. Ю. (2013). *Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в.* // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология*. № 15 (158). С. 84-90.
18. Stevens Belkin C. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois. 252 p.

References

1. Brezgunova, V. M. (2019). *Dinamika izmeneniya chislennosti cherkas v Voronezhskom krae v 1630-1680-ye gg.* [Dynamics of changes in the number of cherkas in the Voronezh region in the 1630-1680] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 182 (t. 24), 201-208. (in Russian).
2. Glaz'yev, V. N. (2001). *Vlast' i obshchestvo na Yuge Rossii v XVII veke: protivodeystviye ugovonnoy prestupnosti* [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century: Countering Criminal Crime] Voronezh, Izdatel'stvo VGU. (in Russian).
3. Glaz'yev, V. N. (2012). *Zaseleniye gorodov-krepostey Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontekste sotsial'noy politiki rossiyskogo pravitel'stva v kontse XVI v.* [Settlement of fortified cities of the Central Black Earth Region in the context of the social policy of the Russian government at the end of the 16th century] in *Stolitsa i provintsiya: istoriya vzaimootnosheniy: Materialy Shestoy nauchnoy regional'noy konferentsii*. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 7-11. (in Russian).
4. Dudina, O. V., Fursov, V. N. (2015). *Sozdaniye i funktsionirovaniye Belgorodskogo razryada kak voyenno-administrativnoy i territorial'noy yedinitsey Rossii vtoroy poloviny XVII v.* [Creation and functioning of the Belgorod category as a military-administrative and territorial unit of Russia in the second half of the 17th century] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya*, 4 (204), 131-136. (in Russian).
5. Zagorovskiy, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU. (in Russian).
6. Lyapin, D. A. (2018). *Sotsial'no-ekonomicheskaya evolyutsiya naseleniya Yuga yevropeyskoy Rossii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v kontse XVI – XVII vv.* [Socio-economic evolution of the population of the South of European Russia in the context of the modernization of the agrarian society at the end of the 16th-17th centuries] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya*, 2 (t. 45), 285-297. (in Russian).
7. Lyapin, D. A. (2018). *Sluzhilaya korporatsiya detey boyarskikh Kozlovskogo uyezda v 1637-1651 gg.* [Serving corporation of the children of the boyars of the Kozlovsky district in 1637-1651] in *Belgorodskaya cherta*, 3, 78-82. (in Russian).
8. Lyapin, D. A. (2019). *Sotsial'naya organizatsiya sel'skogo naseleniya yuga Rossii v XVII v.* [Social organization of the rural population of southern Russia in the 17th century] in *Quaestio Rossica*, 2, 599-612.
9. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2020). *Dinamika sotsial'nogo sostava naseleniya Chernozem'ya vo vtoroy polovine XVII – pervoy treti XVIII vv. (na primere Yelet'skogo uyezda)* [Dynamics of the social composition of the population of the Chernozem region in the second half of the 17th – first third of the 18th centuries. (on the example of the Yelet'sk district)] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 3 (24), 72-82. (in Russian).
10. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naseleniya Yuga Rossii v kontse XVI – nachale XVIII vv.* [Dynamics of the population of the South of Russia at the end of

the 16th – beginning of the 18th centuries. (on the example of Yelets)] in *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 3, Stavropol', 93-97. (in Russian).

11. Lyapin, D. A., Zhiron, N. A. (2019). *Ob izuchenii struktury i formy organizatsii prostranstva povsednevnosti naseleniya Tsentral'no-Chernozemnogo regiona Rossii v kontse XVI – pervoy polovine XVIII vv.* [On the study of the structure and form of organization of the space of everyday life of the population of the Central Black Earth region of Russia at the end of the 16th – first half of the 18th centuries] in *Istoriya: fakty i simvol'y*, 4 (21), 155-156. (in Russian).

12. Mizis, YU. A. (2017). *Osobennosti sotsial'noy psikhologii naseleniya yuga Russkogo gosudarstva v XVII v.* [Features of the social psychology of the population of the south of the Russian state in the 17th century] in *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya*. №5: Materialy V Chteniy pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy nauchnoy konferentsii. 9.11.2017 – 10.11.2017. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, 199-202. (in Russian).

13. Nefedov, S. A. (2004). *Pervyye shagi na puti modernizatsii Rossii: reformy serediny XVII v.* [The first steps towards the modernization of Russia: the reforms of the mid-17th century.] in *Voprosy istorii*, 4, 22-52. (in Russian).

14. Papkov, A. I. (2004). *Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoy v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [Border borders of the Russian kingdom and the Ukrainian lands of the Commonwealth at the end of the 16th - first half of the 17th century] Belgorod, Konstanta. (in Russian).

15. Petrukhintsev, N. N. (2018). *«Razryadnaya» voyennaya reforma Alekseye Mikhaylovicha i yeye vliyaniye v 1658 – 1660 gg. na yuzhnyye sluzhilyye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraja)* [«Discharge» military reform of Alexei Mikhailovich and its influence in 1658-1660. to the southern service «cities» of Russia (based on materials from the cities of the Lipetsk Territory)] in *Istoriya: Fakty i simvol'y*, 3 (16), 106-129. (in Russian).

16. Roshchupkin, A. Yu. (2013). *Chislennost' korporatsii yeletskikh sluzhilykh kazakov v kontse XVI – pervoy polovine XVII v.* [The number of the corporation of Yelets service Cossacks at the end of the 16th – first half of the 17th century] in *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya Istoriya. Politologiya*, 15 (158), 84-90. (in Russian).